

Оли Дункан

ТОГДА
И
СЕЙЧАС

Оли Дункан
Тогда и сейчас

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дункан О.

Тогда и сейчас / О. Дункан — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Встречая человека из прошлой жизни, испытываешь постоянно одно и то же чувство: как будто быходишь к старому дому, поднимаешься на высокий этаж и упираешься в большую новую дверь, дверь открывается, а оттуда выходит незнакомый человек... Содержит нецензурную брань.

Содержание

К читателю	5
Коммуналка	6
Евгения Драгилева	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

К читателю

Прожив тридцать пять лет в Лондоне, я постоянно возвращаюсь в воспоминаниях к своим родным, семье, подругам по институту, друзьям и соседям. Я вспоминаю родной город, название которого произносится удивительно красиво на всех языках мира: Москва, Моску, Москау, Москоу. Этот тёплый величественный город готов обогреть каждого из нас, впечатлить и, конечно же, многое рассказать.

Я не хочу занимать у Вас много времени, просто скажу: где бы человек ни был, куда бы ни уезжал, к кому бы ни уходил, с кем бы ни делился своими переживаниями, он всегда мысленно возвращается домой! Возвращается к своей душе, мыслям и родным. Только тогда он может получить зачёт от жизни. Возвращаюсь и я.

У каждого мужчины есть вина перед женщиной, вина есть и у каждого из нас, просто я хочу прокричать вслух про пережитое мною. ЗНАЧИТ, ПРИШЛО ВРЕМЯ!

*Своё бельё на люди выставляя,
прикрою грязное душой.
Перепишу по многу раз больное, чтоб рассказать,
что происходит с ними и со мной.
Солёная вода пусть кости перемывает,
А я запью всё чистой водой.
Я книгу жалоб напишу, её закрою, чтоб рассказать,
что происходит с ними и со мной.*

Коммуналка

С Лидкой Поляковой я познакомилась, играя в классики с девочками. Лидка подошла ко мне и сказала:

– А ты знаешь, что я до трёх лет спала на подоконнике?

– Врёшь, – ответила я, – на подоконниках не спят. Враки это.

– А вот и не враки, – ответила мне девочка. – Хочешь, покажу? Я живу вон в том доме с мамой и бабушкой. У нас там десятиметровая комната. И я, правда, спала на подоконнике, потому что они у нас большие и удобные, как столы. Меня укладывали на него, а окна закладывали подушками, чтобы мне не дуло и было удобно.

Мимо прошёл очень высокий мужчина с густой седой шевелюрой.

– Здравствуйте, дядя Исаак, – сказала Лидка.

– Здорово, – ответил угрюмый мужчина и почему-то ущипнул меня двумя пальцами за щёчку. Шёл он как раз в сторону дома моей новой знакомой.

– Это дядя Исаак, – пояснила Лидка, – наш сосед. Его всё время куда-то сажают, а потом выпускают. Его жена, тётя Фаина, у нас все сокровища держит. Я как-нибудь тебе их покажу.

От слова «сокровища» мне стало одновременно и жутко, и интересно.

– Врёшь, – прошептала я.

– Не вру, – возразила Лидка. – Об этом вся наша коммуналка знает. И даже тётя Марфа, хотя она дядю Исаака и вором называет. А соседка Зоя смеётся над дядьками, которые у него роются. А они-то, дураки, думают, что она в них влюбилась. Пойдём ко мне!

Мы побежали к Лидкиному дому. Бежали, запыхавшись, по этажам и, наконец, добежали до седьмого. Потные, уткнулись в большую обшарпанную дверь, рядом с которой было много звонков. Десятилетняя Лидка открыла своим ключом:

– Моя бабушка не видит и плохо слышит, мама работает, а я всё делаю сама. Наша дверь рядом с кухней. Вот за этим столом я учу уроки. Проходи и садись за стол с зелёной клеёнкой. И смотри не перепутай. Над нашим столом лампочка свисает на длинном шнуре.

Мы сели.

– А, девочки, – входя на кухню, сказала какая-то женщина в марлевой повязке на голове. Посередине был завязан из той же марли большой кокон. А сама женщина, полная и розовощёкая, почему-то показалась мне очень строгой.

– Тётя Марфа, – сказала Лидка, – мы здесь уроки будем делать, а мама ещё с работы не пришла. Она работает сегодня в две смены.

– Ну, тогда я вас сейчас покормлю, а еврейка вам чай нальёт.

Правда, получилось всё наоборот. На кухню через пятнадцать минут вышла красивая, очень полная и, как мне представилось, чрезвычайно добрая женщина. Она с улыбкой, протерев зелёную клеёнку, поставила нам на стол рогастики с изюмом и орехами, а потом ещё и сладости.

– Вкуснятина какая, – сказала Лидка, причмокивая от удовольствия.

Тётя Марфа налила нам чай, а вот дядя Исаак немного подвёл. Заходя на кухню, он быстро проговорил:

– Фаина, не разбазаривай сладкое, – и снова ущипнул меня за щёчку двумя пальцами.

Тётя Марфа удалилась, а Лидка мне объяснила, что ей все соседи завидуют, потому что она живёт в пятнадцатиметровой комнате, под лестницей, отдельно ото всех. И хотя в комнате нет окон, ей там очень удобно. Да и керосинка её стоит рядом, так что она может там готовить свои кулебяки.

Через час на кухне появился очень грустный мужчина в штапельной пижаме в полоску и тапочках. Все его волосы были прилизаны назад, кроме густой чёлки, спадающей через левый глаз к уху. Заваривая чай, он вдруг закричал:

– «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза».

И немного помолчав, заорал истошным голосом:

– Читайте, завидуйте, – его лицо при этом сильно побагровело, а он всё продолжал: – Завидуйте!

– Не бойся, – сказала Лидка, – это он Маяковского читает. Дядя Вася – артист Госконцерта и выезжал часто на гастроли. Всю страну объездил. Но знает только два стихотворения, больше не помнит, потому что ему в сталинских лагерях всю память отбили. Он сидел в Соликамске десять лет, оттуда и свою жену Лизу, опереточную артистку, привёз. Они там вместе сидели. Но потом дядя Вася её выгнал, потому что, – Лидка понизила голос, – она сделала пять аборт, и не от него.

От ужаса я даже не смогла переспросить. Слово «аборт» меня сразило. Оно прозвучало, как гром, как ужас, как кровавый кошмар, и, решив, что жена дяди Васи умерла, я спросила:

– Где её похоронили? В Москве или в Соликамске?

– Да что ты! – сказала Лидка. – Она ж потом замуж вышла за своего хахаля. И продолжает делать аборт. Моя мама точно знает.

Не успела она договорить, как в коридоре раздался жуткий крик.

– Опять тётя Клава мстит.

– Кому? За что? – спросила я Лидку.

– Да этому режиссёру, который к дяде Васе приходит. Они запираются на четыре часа в его комнате, и он с ним репетирует, чтоб читал хорошо своего Маяковского. А тётя Клава его калоши гвоздями прибивает к полу, потому что режиссёр нам грязь с улицы носит. А он, часто про это забывая, надевает калоши и прямо мордой об пол падает.

Мы сдружились с Лидкой. Мне нравилось к ней приходить. Во-первых, она была очень красивая девочка, во-вторых, хорошо училась и помогала делать мне уроки. А в-третьих, многое знала и рассказывала мне все таинства жизни по-учительски, а я, затаённая вниманием, слушала.

Однажды во дворе Лидка мне объявила, что дядю Исаака опять посадили и она может показать мне их сокровища. Мы побежали к ней.

– Бабушка всё равно ничего не видит и не слышит, – сказала Лидка и быстрым движением руки отодвинула матрас кровати. – Вот, смотри сама.

И я увидела маленькую палеховую коробочку, на которой были изображены гроза и женщина, несущая на руках ребёнка. Подружка открыла её, и я ахнула: там были золотые цепочки, два кулончика и золотые монетки.

– А ещё вон, смотри, три колечка есть с розовыми и голубыми камешками, – добавила Лидка. – Ну что? Вру я?

– Нет, не врешь, – ответила я. – И дружить теперь буду с тобой всю жизнь.

Я смотрела на сокровища, как замороженная, а моя подруга казалась мне волшебницей и самой таинственной и доброй девочкой в мире.

К Лидке я приходила часто. Сидели на кухне, пили чай. Тётя Фаина ставила на стол рогастики, а дядя Исаак выкрикивал из их комнаты: «Фаина, не разбазаривай сладкое». Из комнаты дяди Васи я часто слышала: «Завидуйте, завидуйте». А тётя Зоя, на голове которой постоянно были накручены мелкие бигуди (мне казалось, что бигуди тётя Зоя вообще никогда не снимает, что она в них ест, спит и даже ходит на работу), проходя мимо нас, всегда напевала одно и то же: «Широка страна моя родная».

– Потому что она работает в Доме культуры массовичкой, – объяснила мне Лидка. – Гони десять копеек, мы пойдём с тобой смотреть кинофильм «Председатель» с Нонной Мордюковой.

Свои десять копеек я, конечно, принесла.

Вскоре я познакомилась и с Лидкиной мамой. Отработав свою очередную ночную смену, молодая симпатичная женщина готовила борщ на кухне. Измождённой её нельзя было назвать, наоборот, она излучала энергию, была весела. Тогда мне показалось, что, готовя свой борщ, она всё время смеялась и особенно громко в тот момент, когда дядя Исаак от неё быстро отошёл.

– Ещё раз полезете ко мне под юбку, – сказала Лидкина мама, – и я всё расскажу вашей Фаиночке.

А я подумала: «Зачем рассказывать, когда и так все слышат, и тётя Фаина тоже».

На кухню, хихикая, вошла соседка Марфа.

– Ты куда это собралась-то? – спросила она Лидкину маму.

– В галантерею, – ответила молодая женщина. – Там трико дают.

– А зачем тебе трико-то? – ехидно спросила её тётя Марфа. – У тебя же вон семь пар: розовые, салатные, голубые, даже серые – все вот здесь висят. Спроси Гаврилыча, он их все наперечёт знает.

– Ты себе лучше бы лифчик купила, Зин, – сказал проходивший мимо шестидесятилетний мужчина.

– Это наш Гаврилыч, – сказала Лидка. – Он очень хороший человек, настоящий коммунист, даже самого Сталина возил: то ли из Горок в Кремль, то ли из Кремля в Горки. И однажды товарищ Сталин предложил ему квартиру, а наш Гаврилыч ответил, что наперво надо дать нуждающимся. Товарищ Сталин так и поступил, а Гаврилыч с горя запил. И жену Клавдию по всей квартире... А наша тетя Клава держит оборону с половой тряпкой в руках. Да так, что пьяному Гаврилычу по мордам достаётся то слева, то справа.

Сегодня у Ганьки наверняка бы стояла квартира в Лондоне, а его Клавка в золотом «Картье» обедала бы с подругами на Пикадилли стрит. Но я, кажется, отвлеклась, так давайте же вернёмся к тому, что было тогда.

Как потом выяснилось, в квартире пил не только Гаврилыч, но и дядя Лёша тоже. Пил запоями и избивал свою кроткую жену Марту.

– Мы тебя, ирода, пасодям, – ворчала, вытирая пол, тётя Клава. – Вот пусть только с работы «аблакаты» Вишневские вернутся – пасодям, пасодям.

Остальные соседи обращались к нему исключительно по имени-отчеству: Алексей Петрович, – делая это намеренно, чтобы уговорить его пьяный дебош. В остальных же редчайших случаях, когда сосед выходил на кухню трезвый, с красной, как у рака, и свежесобранной физиономией, чисто по-свойски: Лёшка.

– Ничего они с ним не сделают, – объяснила мне шёпотом Лидка, – потому что дядя Лёша – единственный слесарь во всём доме. Представляешь, десять комнат, а уборная не работает.

Но дядя Лёша всё-таки свои честно заработанные пятнадцать суток получил. И отсидев, чистый и вежливый вернулся домой. А главное – больше не бил свою жену Марту. А та просто была на седьмом небе от счастья!

Однажды я зашла за Лидкой гулять. Дверь мне открыл высокий худощавый мужчина средних лет.

– Ты в чём пришла? – спросил он меня.

– В колготках, – ответила я.

В Москве тогда ничего не было, а кто-то из Америки привёз эластичные колготки, и моя мама, по случаю, мне их купила.

– А может, ты ещё и к «Метрополю» пойдёшь? И там папиросы будешь курить? И куда ж только твоя мать смотрит?! Может, ты ещё у «Метрополя» папиросы будешь курить и губы малиновым мазать?!

Я прошла, стесняясь своего вида, в квартиру.

– Это наш ответственный по квартире Сержантов. Он следит за квартирой и за жильцами, – пояснила мне Лидка.

А через некоторое время я опять зашла за подругой.

– Ты в чём пришла? – строго спросил ответственный по квартире.

– В брючках, – ответила я.

– И куда ж только твоя мать смотрит? Может, ты ещё и к «Метрополю» пойдёшь? И папиросы будешь курить?

Мне было десять лет.

Вот и ещё один год прошёл, да нет, он просто пролетел. Да ещё как интересно! И много было как хорошего, так и плохого, грубого, а порой даже беспощадного в нашем дворе, в наших квартирах, в наших семьях. Наше детство пришлось на шестидесятые годы – дикие, тёплые, тесные, необъятные, но, безусловно, родные, за исключением, конечно, тех непредвиденных событий, к которым мы, девочки, ещё не были готовы.

Как-то раз ко мне подошла подружка во дворе и тихим голосом прошептала, что дядя Исаак умер «от обыска».

– Ты за мной не заходи пока гулять, слышь? – добавила она.

Что же руководило этой маленькой девочкой? Факт ужаса перед смертью? Детская привязанность к хорошему человеку? Или та самая душа человека, которая уже серьёзно о себе заявила, готовясь к будущему общению с людьми?

Я поступила, как мне было сказано: не приходила. А весной я снова пришла к подружке в гости, и всё пошло своим чередом. Тётя Фаина собралась навсегда в Израиль.

– Туда тебе и дорога, – говорила ей соседка Марфа, вытирая большим платком крупные слёзы, которые обильно катились по её полному розовому лицу. Но перед отъездом соседки убрала её комнату, вымыла пол, до блеска окна, и от этого комната показалась ещё больше. А луч света, который пробивал насквозь окна, делал её такой светлой и яркой, что в ней просто невозможно было находиться.

Вещи уже были аккуратно сложены. Соседи несли в подарок варежки, вязанные носки, открывалки для бутылок, об этом позаботились, конечно, Гаврилыч и Алексей Петрович. Профессор Коган, который в общественной жизни квартиры вообще не участвовал, а просто тихо проходил на кухню и варил себе сосиски, как-то, встретив в коридоре тётю Фаину, молча сунул ей записку с чьим-то адресом, а потом шёпотом сказал:

– Фаина Марковна, пожалуйста, напишите мне, как там? Мне обязательно перешлют.

– Знаем, знаем, кто он, – ворчала, вытирая пол, Клавдия Васильевна. – Младенцев истязатель и убийца.

– Неужели он нас истязать будет? – спросила я подругу.

– Да нет, – ответила Лида, – не будет. Просто Семён Филиппыч – профессор и дурак. И мы про это все знаем.

Шли месяцы. Через некоторое время переехали адвокаты Вишневские. Соседи поговаривали, в какую-то кооперативную квартиру. За ними съехал и профессор, потому что ему дали квартиру за научные труды. Соседский сын, шестнадцатилетний Владик, умер от рака из-за того, что ему пьяный папаша сбрил родинку на голове. А его мама, красавица Марта Васильевна, буквально за одну ночь превратилась в старуху. Её огромный золотистый пучок стал похож на седую паклю. Эта добрая и кроткая женщина озлобилась, ни с кем не разговаривала, а потом и мужу своему Алексею объявила, что жить с ним больше не собирается и

навсегда уезжает к сестре в деревню. «Так мне Владик велел перед смертью», – твёрдым голосом заявила Марта.

Восьмиклассник Владик ровно учился, был тихим хорошим парнем, любил свою маму и закрывал её своим телом от побоев пьяного отца.

У Владика и хобби было: он вечно что-то строгал на лестничной клетке. Делал всё с душой, подолгу осматривая свою работу. Мне он дарил красивые деревянные игрушки. Да и подружка выносила с собой во двор замечательные вещицы – ложки, ножи, тарелки. Владик их раскрашивал. Оставалось только взять в руки и любоваться. А потом вот такое горе случилось. Зачем? Ну почему? Как же так?

И ещё одно событие произошло. Собака дворника Саида со странным именем Римский–Корсаков, которое, честно говоря, он не выговаривал и даже не пытался, оценилась. У неё было пять щенят. Нам нравилось их брать в руки и гладить. И вот тебе раз! Моя закадычная подружка заявила мне, что они все переезжают в большую комнату на Арбат, и, посмотрев на меня сверху вниз, добавила, что жить больше здесь не будет, потому что Динамо – деревня. Через несколько дней Лида уехала. Наша детская дружба закончилась абсолютно безболезненно для меня, так как во дворе остались другие девочки и мальчики. Мы прыгали через верёвочку, играли в классики и ходили в гости друг к другу.

Теперь, спустя много лет, я пытаюсь восстановить в памяти возраст наших соседей. Исаак Соломонович – сорок пять лет или чуть больше. Его жена Фаина Марковна была лет на пять моложе своего мужа. Красивая, полногрудая, улыбающаяся еврейка со своими вечными рога-ликами, штруделями и, конечно, тортом «Наполеон». Всё от тёти Фаины, как говорится.

Припоминается мне, что соседи неоднократно брали рецепт у Фаины Марковны, но безуспешно: такая вкуснятина ни у кого не получалась.

– Иди и жарь свою колбасу, – говорил Гаврилыч супруге. – Пусть уж это евреи готовят.

Этой паре было хорошо за шестьдесят.

Артист Василий Иванович – не старше сорока лет. Слесарь Алексей Петрович и Марта Васильевна были молодой парой. Массовичка Зоя – девушка лет двадцати шести – двадцати семи. А они мне все казались такими старыми, древними дяденьками и тётеньками.

Исаак Соломонович почему-то в любую погоду и время года ходил в своём длинном кожаном пальто, держа руки за спиной. Волосы его были очень густые, с проседью, рост высокий. Широкоплечий красивый мужчина угрюмого вида, который, проходя мимо, всегда щипал меня двумя пальцами за щёчку, а я по-детски обижалась. А на самом деле, видно, он ко мне испытывал симпатию.

В конце девяностых я подошла к дому, села в лифт и поднялась на седьмой этаж. Шикарная дверь, рядом с ней один звонок. По чистому совпадению в этот момент дверь открылась. Из квартиры вышел очень хорошо одетый молодой человек.

– Вы кого-то ищете? – вежливо спросил он.

Не растерявшись, я ответила, что, возможно, хочу купить квартиру в этом доме.

– Говорят, здесь большие подоконники, – добавила я.

– Да, – улыбаясь, подтвердил мужчина, – даже такие широкие, что на них и есть, и спать можно.

Поблагодарив, я села в лифт, нажала кнопку первого этажа и через три минуты вышла на улицу. Я уходила от дома 4/1, расположенного по адресу: город Москва, улица Верхняя Масловка.

Евгения Драгилева

Вам волю нашу не сломить!

Мы пили...

Пьем...

И будем пить!

Евгения училась со мной в одном институте. Только она – на пятом курсе филфака, а я – на первом курсе факультета иностранных языков. Девочкой Женя была очень энергичной, всё время что-то организовывала, устраивала вечеринки, участвовала в театральных пьесах института и даже была комсоргом курса. Подруг у неё было тьма-тьмущая, в их число вошла и я. Мне нравилось с ней дружить, слушать её рассказы, ну что говорить: мне она была очень по сердцу, а вот я, как мне казалось, ей – нет. Во-первых, потому, что у неё вообще ни на кого не было времени. Она занималась комсомольскими делами, выявляла девочек-курильщиц в туалетах, отчитывала их, вызывала на комсомольские собрания, а потом взяла и сама закурила! Но ей всё разрешалось, потому что в силу своего юмора и дара убеждения она могла повлиять на любого собеседника или даже на большую группу людей, да на кого угодно. Выглядела она не вульгарно, а, скорее, эксцентрично: густо накрашенные ресницы, выделявшие всю прелесть миндалевидных еврейских глаз. Огромный орлиный нос был ей к лицу и придавал неповторимый шарм. Она, смеясь, называла его птичьим. «Я же чистый попугай», – говорила, хихикая, Женька, зная наверняка, что всем нравится.

Меня она называла самой лучшей, самой верной и самой любимой. Обычно это происходило перед тем, как забыть обо мне на несколько месяцев. Я же сама к её выкрутасам привыкла, запаслась десятью другими такими же верными подружками и довольно-таки неплохо проводила с ними время.

Жека появлялась, как всегда, весёлая, энергичная, много рассказывала, много курила, предлагая мне выпить с ней портвейн, что я однажды и сделала. Опьянев, я села на пол и заплакала от страха, что меня стошнит прямо в студенческом кафе института. «Эх ты, цыплёнок! – журила меня Евгения. – С тобой и делать-то нечего, и вообще неинтересно: не пьёшь, не куришь, матом не ругаешься!» Я, правда, старалась изо всех сил, но курить мне не нравилось, а пить я и вовсе не могла. Вот на этой почве мы и расходились.

Честно говоря, у нас была ещё одна закадычная подруга – Танька Козлова: идейная ленинская стипендиатка, красотка, с шевелюрой кудрявых белокурых волос, перехваченных небольшой булавочкой со лба. Высокая полногрудая девочка, сибирячка, которая уже успела выйти замуж за Ферера – студента из Института имени Патрисы Лумумбы. А Женька, умирая от зависти, ехидно шипела, что её муж-эквадорец похож на червяка, потому что был маленьким, щупленьким, с тоненькими недоразвитыми ножками и огромным носом, начинающимся прямо ото лба.

Эта пара была образцовой. У них было уже двое детей, и они ждали третьего. Ферера души не чаял в своей семье. Они хорошо учились, были идейными правильными молодыми людьми. Мы с подружкой частенько заходили к ним в гости в студенческое общежитие. На стенах комнаты висели портреты Луиса Корвалана и Че Гевары, которых мы в шутку называли «Корвалолом» и «Чего варишь», а Фиделя Кастро – «Честно кастрированным».

Однажды Татьяна сказала нам, что мужа пригласили в Швецию читать в университете лекции и они уезжают, скорее всего, навсегда. Это событие очень повлияло на Евгению. «Значит, и Козлиха уезжает в Швецию навсегда. Червяк танцевал, танцевал латинские танцы, а теперь смывается. Танька там тоже будет первой, потому что она везде первая, – завидовала

подруга, – а портреты латинских коммунистов они оставят на память общежитию. Ну всё, хватит, нечего ждать милости от природы: я иду с копьём на мамонта! А ты как хочешь».

Это была наша последняя встреча с Жекой, а потом она надолго пропала. Позвонила подруга мне только через несколько лет, объявив звонким голосом, что выходит замуж. Мы встретились по этому поводу.

– Представляешь, цыплёнок, моего жениха зовут Жан. Мало того, что он француз, так он ещё и в Париже живёт!

– Значит, француз из Парижа? – переспросила я.

– Да, – ответила подруга, – видишь ли, здесь-то женихов для меня не нашлось. Орлиный нос, тощая, ноги костлявые, глаза, правда, ничего, но и они не помогли. Мама родила второго ребёнка, когда мне было шестнадцать. Всё внимание – брату. Это я так веселюсь, а в душе пустота! Нет, – испугавшись, спохватилась подруга, – я своих родителей очень люблю, но одинокость я не выношу. Послушай, большому кораблю – большое плавание. Приеду в Париж – обязательно тебе напишу!

– Жень, а ты можешь мне оттуда не писать, а? – слабым голосом попросила я. – Меня в «Интурист» распределяют. Ведь твоё письмо мне всё испортит. Ну, пожалуйста!

– Эх, ты, подруга называется, – с горечью ответила Женька, – пили отсюда. Уж как-нибудь в другой раз.

Мы снова расстались на несколько лет. И честно говоря, я очень удивилась, когда вновь встретила Евгению на выставке (я там работала переводчицей от «Интуриста»). Такая же бесцеремонная, волевая, сильно накрашенная женщина, знакомая со многими иностранцами, говорила быстро и бегло, но почему-то по-итальянски. Мы расцеловались, расплакались, вспоминали прошлое, но так и не смогли наговориться.

Несколько моих вопросов ей не понравились, и отвечать на них она не собиралась. Она была очень своеобразная и сильная женщина с необыкновенным темпераментом, оказывавшая огромное влияние на каждого своего собеседника. И Женька это знала и, смеясь, вечно что-то рассказывала в крике, в оре, окончательно делая собеседника своим другом, партнёром или сгорающим от страсти любовником.

– Живу в Италии, – вдруг заявила она сама, – уже четыре года. Ты же помнишь, что я уехала в Париж. Город хороший, романтичный, но, увы, хлебнула я там горя в свои двадцать. Жан оказался ужасным подонком и свиньёй, бил меня, отнимал все деньги, которые я зарабатывала в антикварном магазине на бульваре Дебюсси.

Это название мне не было знакомо, но, надо сказать, сильно впечатлило:

– Бульвар Дебюсси, Жэка, ого!

– Да брось, цыплёнок, жизнь – штука сложная, досталось мне там. Париж и Жан, бульвар Дебюсси и скряга хозяин, который меня выгнал, не заплатив. Вот такие дела! Однажды моё терпение лопнуло: солнечным парижским утром в домашних тапочках я якобы вышла в химчистку, а сама рванула на вокзал. Села в поезд Париж–Милан и уже через пять часов была на станции Милано Централье. Два месяца жила у подруги, работала у неё уборщицей, смотрела за детьми. Между тем я окончила языковые курсы и бегло заговорила по-итальянски. Устроилась на фирму переводчицей и теперь разъезжаю с «итальянками» по всему миру, работаю на выставках, зарабатываю неплохие деньги. По крайней мере, на жизнь хватает. И на кайф хватает. – Женька вдруг резко замолчала, а потом сказала: – Мне нужен гинеколог. Необходим срочный аборт.

– Кому? – спросила я.

– Мне, конечно, – ответила подруга, и по её лицу потекли серо-чёрные слёзы. – Я беременна от самого владельца фирмы, а он женат, у него пять дочек, жена страшная с бородавкой на носу, всегда ходит обиженная. Муж её боится «до опупения», при одном виде трясётся. Да и, честно говоря, он старый чёрт, шестьдесят два года деду. В любви мне клялся, а когда

я забеременела, испугался, козёл, взмолился, чтобы его уродине ничего не рассказала. А я-то, пожалуйста, только вот немного денег попросила. Помнишь, у Ильфа и Петрова: «обидеть женщину может каждый, а вот помочь...» Короче, помог на аборт! Ха-ха-ха. Давай выпьем, цыплёнок, у меня с собой классный коньячок.

Я отказалась, но гинеколога найти пообещала:

– Мама поможет. Она многих врачей знает, любого профиля.

На том и порешили.

Встретились мы через три дня.

– Всё в полном ажуре, Женька, – сказала я, – вот адрес.

– Ну ты совсем плохая? – нервно спросила подруга. – Не видишь, что я с температурой стою. Тридцать девять у меня. Два дня назад всё сделала. На следующий день вышла на работу. Поняла? Или ты думаешь, что меня на работе за красивые глаза будут держать? Нет, цыплёнок, Запад – вещь коварная, надо выживать. Здесь каждый сам за себя.

«Бедняга, – уходя, думала я, – она же пропадёт! Каково ей с такой температурой работать? Это же явное воспаление. Да, жизнь у неё не фонтан».

Четыре дня мы не встречались. Я боялась нарваться на её агрессию и ещё раз услышать про себя, что я туповатая. Когда моя подруга так со мной разговаривала, я терялась и действительно тупела. На пятый день в моей квартире раздался телефонный звонок. Взяла трубку и услышала слабый голос Евгении: «Цыплёнок, родная, милая моя подружка, помоги!»

Беру такси, мчусь в гостиницу, вбегаю в номер спасти подругу, а она сидит покрашенная и ржёт. Ну, конечно же, в неё влюбились. А как же иначе? В красавицу такую... «Да, – подтвердила мою догадку Женя, – на этот раз англичанин, на год моложе меня. Красивый, высокий, широкоплечий, окончил Кембридж. Смотрит с обожанием, с ума от любви сходит. Но Марк говорит только по-английски, а я этот язык не знаю. Завтра приходи, цыплёнок, в ресторан «Националь», переводить будешь. Посидим, выпьем. И не вздумай ему глазки строить! За своего Марка я убью».

Я согласилась, понимая, что про её плохое самочувствие спрашивать неуместно: может и обозвать. Я-то решила, что мою подругу в больницу везти придётся, там будут долго лечить, потом с работы выгонят. А у неё, видите ли, на горизонте англичанин по имени Марк Янг!

На следующий день ровно в восемь часов вечера я вошла в ресторан «Националь». За столом в изящном маленьком платице с чёрным бантом под воротником сидела Евгения, томно курила сигарету в мундштуке и пыталась что-то объяснить Марку. Она была потрясающе хороша: короткая стрижка ёжиком, огромные зелёные глаза, которые ещё больше выделяли густо покрашенные ресницы, красиво подчёркнутый рот. Оригинальный хищный нос хорошо вписывался в общий ансамбль, придавая своей хозяйке ещё большую сексуальность. Ах, боже ты мой, чистая француженка с обложки журнала Elle. Я отметила её изысканный вкус, манеры, умение держать себя. Это была уже не та шумная девочка, которая бегала с комсомольским значком на кофточке по институту.

Апрель, звенит капель, слякоть, ещё холодно, грязный асфальт, только яркое весеннее солнце подаёт надежду на что-то лёгкое, а может быть, даже и прекрасно-загадочное. С Женей это уже случилось, и она была безмерно счастлива. И потекли ручьи... на тротуарах лужи. На окнах грязь! И ожиданье чистоты весны... Заплакали сосульки от продолженья дня... И первые мимозы от тебя. На столе стоял маленький букетик.

– Это я сама купила, – хихикнула подруга. – Будем воспитывать! Работы – непочатый край! Он же у меня совсем сырой!

– Влюблён-с, влюблён-с, – радостно сообщила Женя. Англичанин Марк Янг не сводил с неё глаз.

Я начала непринуждённый разговор:

– Do you live in London? (Вы живёте в Лондоне?)

– It's quite foggy their? (Там очень туманно?)

– Great London Fire (Пожар в Лондоне)

Также вспомнила историю.

– 1660 Black Death (чума).

– Ты давай по делу, крошка, – толкала меня в бок Женька, – узнай его семейное положение: есть ли дети, с кем живёт?

Я быстро задала Марку вопросы подруги и перевела ответ: разведён, дети есть, живёт под Лондоном. Женя от радости прищурила глаза:

– Ах, вот оно что... Готовый жених получается. Это – только начало работы. Будем работать! Ну, а пока пьём коньяк. Это дело надо обмыть – и вперёд на мамонта! Мой девиз – мы пили... Пьем... И будем пить!

Марк стеснительно ответил, что он не пьёт, но от стакана молока не отказался бы. И смущённо добавил, что молоко любит с детства. Жека тут же шутливо пояснила мне через стол: «Значит, в этот раз молокосос попался, только этого мне и не хватает!»

Сидели долго, выпивали, шутили. Спасибо, что подруга в этот раз не напилась. Я, честно говоря, побаивалась за неё. Вечер был изумительный: Евгения – звезда, англичанин влюблён. Удар! Удар! И ещё раз удар!

Проводила меня до такси сама Женя. И после жарких поцелуев по весенней слякоти убежала в своих летних золотых босоножках в гостиницу.

Звонка её я, как всегда, не ждала, но она мне позвонила через два дня.

– Живу у Марка в номере. Лечу англичашку от гриппа. Пьёт мой Маркуша молоко, как воду. А я тяну свой коньячок, конечно. Сильный парень. Дело своё знает. У нас так: секс, лечение, ну и молоко в интервалах. А потом капли в нос. По-моему, я ему уже всю слизистую сожгла. Работаем, работаем, работаем. Этот от меня никуда не уйдёт. Я не жду милости от природы. Действие, секс, любовь! Пока разговариваем языком мимики и жестов. Ну да ничего, он почти уж мой. А на молоко я не обращаю внимания, пусть пьёт. Главное – любовь!

Прошло ещё четыре года, и я буквально упёрлась в Евгению на очередной выставке.

– Говорила, что я подруга тебе? – быстро спросила меня Женя, забыв даже поздороваться. – Клялась в дружбе?

– Клялась, Жека, – ответила я ей, как под гипнозом, тоже забыв поздороваться.

– Послушай, есть один интересующийся, глаз с тебя не сводит. Это наш генеральный директор, партнёр фирмы.

– Ты живёшь с Марком в Англии? – спросила я.

– Ну да, конечно. Мы улетели вместе. Он же сам родом с юга, но я там жить отказалась, объяснив, что могу жить только в центре Лондона. Так что приехала-то я, моя девочка, к разбитому корыту. Марк Янг потерял работу, я по-английски не говорила. За квартиру платить нечем. А тут ещё на мою голову близкая подруга прилетела из Парижа – Ляля Миловская. Остановилась у нас. Надо бы обмыть. «Что пьём?» – спрашиваю я их. «Я не пью», – отвечает Ляля. «И я не пью, – вторит Марк, – ну если только молоко, обожаю молоко!» Ну, думаю, молокосос, я тебе покажу. Купила коньячок, посидели хорошо, поговорили. Красота. Вам волю нашу не сломить! Мы пили... Пьем... И будем пить! А утром я его в регистрационный офис повела, чтоб не сбежал. Мы уже четыре года женаты. Можешь спокойно называть меня миссис Янг. В Лондоне я окончила курсы английского языка и пошла работать официанткой, завязала нужные знакомства, нашла хорошую работу, езжу с выставками. Марка пристроила, пошли большие деньги. Вот так. Иди в кафе и жди своего счастья. С копьём на мамонта!

Я послушно пошла в кафе. Через десять минут туда пришёл мой будущий муж.

Евгения чисто говорила по-английски, шутила, оформляя контракты, отпускала команды англичанам. Умница, красавица, она работала с мужчиной, который её обожал. Марк Янг не отставал от жены: великолепно говорил по-русски, сыпал анекдотами, шутил, прикалывался,

использовал различные русские пословицы и выражения – словом, был душой компании. Он даже выпивал с русскими заказчиками, любя называл Женю «зайкой», а она его «зайчиком». Счастливая и богатая пара, что и говорить. Огромный дом в центре Лондона, квартира, офис, но, к несчастью, Бог им детей пока не дал. «Забеременеть не могу, – жаловалась Жэка, – аборт было много, но я стараюсь, лечусь, работаю над этим. Всё у меня получится! С копьём на мамонта!»

И получилось! В этот самый приезд Евгения забеременела. «У меня будет девочка, похожая на Маркушу. Я так хочу», – сказала она. И действительно через восемь месяцев в лондонском госпитале Марлиборн родилась очаровательная девочка, которую назвали Сэйрой.

Через некоторое время Женька привезла дочку в Москву к бабушке. «Понимаешь, – говорила подруга смеясь, – моя мама сказала, что гулять с внучкой на Гоголевский бульвар не пойдёт. Стыдится, видишь ли, её имени. А я считаю, что Сэйра – хорошее библейское имя, которое нам всем принесёт счастье!» Сэйра росла чудной девочкой, умной и талантливой. Она была вылитой копией отца, который в ней души не чаял.

В одну из наших встреч я заметила, что настроение у Жени уже не такое радужное, как раньше, что она частенько вытирает слёзы платком, стараясь делать это незаметно. Когда скрывать их стало невозможно, Евгения мне призналась: «Ты же не знаешь, что Марк беспробудно пьёт. Пьёт-запивается! И сделать что-либо с ним уже невозможно. Много денег уходит на лечение. Наркологические клиники, реабилитация, санатории – ничего не помогает! Когда я его навещаю, он мне даёт слово, что бросит: он сильный, справится, и мы забудем этот кошмар. Так и говорит – кошмар. А потом опять за своё. Домой его забираю, плачет, руки трясутся, ничего не ест, только дай ему виски и всё. Знаешь, – рыдая сказала подруга, – вчера машину веду и плачу. Меня полицейский за нарушение останавливает. Я выхожу из машины, а он на меня внимательно смотрит и говорит: «Проезжайте, проезжайте» Так и сказал: «Go ahead. You will be fine». Вот и поехала с чёрной рожей от слёз, – и вдруг завопила: – Всё отдам – дом, квартиру, деньги в банке, чёрный нал, только бы перестал пить! Я люблю его! Люблю!»

Ровно через год в протестантской церкви Лондона отпевали Марка Джеймса Янга. Люди приехали отовсюду. Обычные протестантские похороны: растянувшиеся на километр кадиллаки, женщины в чёрных платьях, шляпки с вуалетками, цветы, тяжёлые вздохи, разговоры у церкви. Я на всякий случай приняла таблетку транквилизатора. Плакать на людях в Англии не принято. «Мы не плачем», – говорят англичане.

Я подошла сзади к вдове Янг, к самому близкому для меня человеку на этой чужой и одновременно родной земле. Евгения меня многому научила, многое дала, да и вспомнить нам, английским дамам, было что. И подруга меня почувствовала.

– Спился, – сказала, – спился! Пил виски, как молоко. Что же он наделал? Что же я наделала? – её почерневшее лицо было мокрым от слёз. – Спился, – хрипела она.

– У тебя столько друзей, Женя. Смотри, сколько народа на похоронах. Это же все ваши друзья. Ты не одна. А где Ляля Миловская, твоя подруга из Парижа?

– Спилась, – осевшим голосом ответила Женя, – спилась в Париже пять лет назад.

Год пролетел как один день, и мы опять встретились. Передо мной была уже не та сильная, энергичная и остроумная девочка, которую я когда-то знала, передо мной стояла умудрённая жизненным опытом женщина, которая, проделав такой большой интересный путь, как полководец, как альпинист, берущий самую большую высоту, упала сама и потеряла по дороге самое дорогое, самое дивное, что у неё было. «Я потеряла всё, – печально говорила Евгения. – А деньги меня никогда не интересовали и не интересуют. Даже могилу мужа убираю только сама. Своими руками всё сделала, своими руками и убирать буду». С ней никто не спорил.

Как-то договорились прошвырнуться по Кингс-Роуд, посидеть за ланчем, повспоминать.

– Подожди меня на улице, – сказала подруга и через десять минут появилась с огромным пакетом, в котором звенели бутылки. – Вино. Кайф. Завтра у нашей Сэйры день рождения. Надо хорошо отметить.

И я дала сапогом по пакету. Звон разбившихся бутылок был слышен всем на улице. Ситуация аховая. Конфузно. К нам подошёл любезный мужчина в костюме:

– Чем могу быть полезен, милые леди? Что здесь происходит?

– Мы – подруги, поругались немного, – быстро ответила Евгения.

– Хорошего вам дня, – облегчённо сказал джентльмен.

– Ты иди отсюда, цыплёнок, – вяло проговорила Женя, – а я – в паб. И обещаю тебе: это в последний раз.

Р.S.: Миссис Юджи Янг живёт на юге в графстве Корнуолл, это жемчужина Англии. Степенная воспитанная дама. Подруг у неё бесчисленное количество, все её обожают. Она занимается активной деятельностью в консервативной партии, воспитывает очаровательных внушек. И, конечно, вспоминает своего Марка. «Жизнь свою нам надо было начинать здесь, в Корнуолле, на родине мужа. И, может быть, наша с ним судьба сложилась бы по-другому», – постоянно повторяет Юджи.

А тебя люблю, умом все понимая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.